

Александр Эртель

Полоумный

Александр Эртель

Полоумный

«Public Domain»

1883

Эртель А. И.

Полоумный / А. И. Эртель — «Public Domain», 1883

«Я не понимаю прелести ружейной охоты. Но с нею связаны длинные переходы по широкому простору степей и полей, по излучистым берегам рек, ручейков и речонок, по густым зарослям топких болот, и за это я люблю охоту. Люблю с ружьем за плечами бродить по необозримым полянам, люблю отдохнуть в жаркие полдни где-нибудь в свежей тени осиновых кустов, раскинутых там и сям по этим полянам, люблю окинуть взглядом с какого-нибудь высокого кургана бесконечную даль, одетую синеватым туманом в пасмурный денек или подернутую седой дымкою зыбкого марева в знойную, тихую погоду...»

© Эртель А. И., 1883

© Public Domain, 1883

Александр Иванович Эртель

Полоумный

Я не понимаю прелести ружейной охоты. Но с нею связаны длинные переходы по широкому простору степей и полей, по излучистым берегам рек, ручейков и речонок, по густым зарослям топких болот, и за это я люблю охоту. Люблю с ружьем за плечами бродить по необозримым полянам, люблю отдохнуть в жаркие полдни где-нибудь в свежей тени осиновых кустов, раскинутых там и сям по этим полянам, люблю окинуть взглядом с какого-нибудь высокого кургана бесконечную даль, одетую синеватым туманом в пасмурный денек или подернутую седой дымкой зыбкого марева в знойную, тихую погоду.

Раз, в конце августа, выдался хороший денек. Ни одного облачка не плавало в голубом небесном просторе. Солнце не пекло, как в жаркую июльскую пору, а разливало какую-то ласкающую, благодатную теплоту. В воздухе серебряными нитями тянулась паутина. Легкий, сухой ветерок веял с востока, разнося сладкий запах сжатого хлеба, стоящего в копнах, и освежающую прохладу. Стаи сизых и белых голубей неутомонно ворковали и шумно переносились с жнивов на жнива, сверкая на солнце своими перьями. В речных камышах звонко щебетали скворцы.

Было воскресенье. Около обеда отправился я на охоту. Исходив не один десяток верст и почувствовав сильную усталость, я прилег в тени густой ветлы, сиротливо стоящей на берегу степного прудка, и заснул. Солнце уж низко стояло, когда я проснулся. Тень от ветлы сошла с меня и протянулась длинной полосой вдоль лощинки. Мягкий солнечный свет бил в глаза.

Освежив лицо водою из прудка, я оглянулся. К востоку, за прудком, тянулись скошенные поля, усеянные темно-бурыми копнами гречихи и проса; прямо предо мною, к западу, лежала степь; шагов на триста от прудка виднелась она и замыкалась длиною цепью невысоких курганов. Даль отделялась от меня этими курганами.

Место казалось незнакомым. Ни прудка этого, затерянного в степи, ни ветлы, одиноко стоящей около него, я не встречал в своих экскурсиях. «Что это за место?» – думалось мне. Я взошел на возвышенность. Широкий простор разостлался предо мною. «Эге! да это Танеевская степь!» – невольно вырвалось у меня. Вплоть до виднеющегося вдаль хутора все было – степь, поросшая густой, сочной отавой. За хутором опять тянулась степь, а там опять курганы, высокие, крутые... Верст десять отделяло меня от тех курганов... Длинной вереницей тянулись они по берегу Битюка. Из-за одного пологого промежутка между ними весело горела золотая искра – то был крест красноярской колокольни.

Солнце, склоняясь к закату, принимало мягкий, красноватый свет и лучами своими, словно полымем, охватило степь. Соломенные кровли хутора весело выделялись из этого огненного моря своим желто-золотистым цветом. Ветловые узенькие рощицы, словно крылья облегшие хутор, отливали багрянцем. Маленький прудок у хутора так и горел ровным алым пламенем, – ни одна волна не морщила его гладкую, как полированная сталь, поверхность. Паутина, как золотая пыль, дрожала в тихом воздухе; те места, над которыми дрожала она, казались подернутыми каким-то лучистым колоритом. Там и сям синели стога. Длинные тени ложились от них на траву, выделяясь темно-зелеными пятнами среди светящегося простора.

Рельефность очертаний предметов была изумительная. Дальность расстояния как бы не существовала для глаза. С природы словно флер сняли, и она всеми деталями своими ярко бросалась в глаза, нежно лаская их мягкими тонами...

Над всем этим привольем стояла невозмутимая тишь. А между тем сухой воздух словно жаждал звуков: скрип колодезного журавца на хуторе так резко пронесся по этому воздуху и разбудил такой могучий отзвук, что, казалось, вырвался из горного ущелья, а не среди нео-

глядно-плоских равнин... Внизу, почти у самой рощицы, ходил табун. Лошади разбрелись по сочной отаве и спокойно паслись. Черною точкою виднелся около них конюх.

Я сошел с возвышенности и направился к хутору. В это время звуки «жилеек» звонко прорезали воздух и затрепетали в нем веселыми, подмывающими нотками... Конюх заиграл «бычка». Бойкий мотив шаловливо переливался по тихому простору; откуда-то издалека неся навстречу ему такой же бойкий, такой же игриво-веселый отзвук. Казалось, новые, славные тоны пробежали по степи и подернули ее еще более нежным, еще более ласкающим колоритом... Глубоко дышала грудь сладким, пахучим воздухом... Слух нежил задорно-веселые звуки нехитрого инструмента... «Весело на белом свете!» думалось...

А солнце все ниже да ниже опускалось... Тени от стогов тянулись длиннее и длиннее... Кровли хутора начинали алеть... Ясная поверхность прудка зарделась багровым пламенем... Небо на западе переходило из бледно-голубого в нежно-розовый цвет... Горизонт на востоке охватывала хмурая синева, а над синевой слабо горело бледно-фиолетовое отражение заката.

Я шел к хутору. На перепутье пасся табун. Звуки «бычка» все еще трепетали в воздухе. Конюх, игравший на жилейках, сидел, поджавши ноги, на разостланном кафтане. Это был малый лет двадцати, русский, почти белый, в красной кумачной рубахе; широчайшие плисовые штаны были вправлены в узкие «вытяжные» сапоги; серая, «крымская» шапка сидела набекрень, придавая вид удали и беспечности курносому, безусому лицу. Глаза глядели весело и задорно.

– Здорово, барин! – закричал он мне, когда я подходил к нему. Широчайшая улыбка показалась у него на лице.

– Вот и не угадал! – сказал я, тоже смеясь и подлаживаясь под его непринужденный тон, – ишь, не барин, а простой мещанин...

– Ну, рассказывай! кабы мещанин, ты бы куцую одежду-ту не напялил, смеялся конюх, подходя ко мне, – мещане-то кошек скупают, по оконницам кнутиком постукивают, а ты вон с ружьем!.. Какой же это мещанин?

Приходилось соглашаться с этим неоспоримым аргументом.

– Нет ли у тебя чего покурить? – обратился он ко мне.

– Есть, есть, – сказал я и достал ему папиросу. Наивная бесцеремонность и какая-то словно детская простота занимали меня в конюхе. Я закурил и расположился рядом с ним на кафтане, который он предупредительно предложил мне.

– Тебя как звать-то? – спросил я.

– Петрухой звали...

– Это чьи, танеевские, что ль, лошади-то?

– Его. И, братец, богат же наш барин! – Петруха восторженно поднялся с места, – это вот холостые шестьдесят голов, – указал он на табун, – а там вон за Рогатым прудом матки ходят, штук пятьдесят, а вон за теми курганами коньки еще, голов пятьдесят! – Он победоносно взглянул на меня.

– У него, помимо хутора-то, где именья? – интересовался я.

– У него их, мал, целый содом, именьев-то!.. Сичас это будет тебе Андрусовка за Битюком, да Ольховатка, да Тарасовка на Плавице... Тарасовку-то недавно купил... А там еще, говорят, где-то до пропасти...

– Что ж, хорош барин-то ваш?

– Ммм... – замаялся Петруха, – да как тебе сказать... Горяч больно! добавил он после маленького раздумья, – сичас тебя оборвет, а глядишь, ни за что... Барин богатый!

– Что он, уж старик?

– Какой тебе старик!.. Еще никак двадцати пяти годов нету, женился недавно, такую шустренькую взял!.. А чин на ем, должно, важнеющий, потому летось я его как-то в церкви видал: весь в золотых тесемках увешан... Как жар горят! А штаны кра-а-асные!..

- Давно ты живешь в конюхах-то?
- Нет. С весны нонешней. Как за подушным погнали, батюшка пошел в контору да под меня пятнадцать целковых взял. С той поры я вот и зачал жить.
- Сколько же ты берешь в год?
- Тридцать пять целковых.
- Что так мало?
- Да как же оприч? вперед деньги взяли... Уж тут известно – сбавка, что дадут, то и бери.
- Ты откуда сам-то?
- Сакуринские, знаешь? Около Яблонца.
- Знаю, знаю... Ты что же у своего барина-то не нанялся?
- Петруха засмеялся.
- Куда ему! он сам прогорел, иной раз пожрать нечего... Куда уж тут деньги вперед задавать!
- Где же он прожился так?
- Да чего! – смехота тут, страсть! – Ишь с купцами связался, торговать стал, завод мыльный завел, да и прогорел... Теперь с торговли-то на собак передудо: все зайцев по полю гоняет. Вдали, по дороге от хутора, показался верховой на серой лошади.
- Ну, слава богу! – обрадовался Петруха, – Егорка Полоумный едет!..
- Кто это – Егорка Полоумный? – спросил я.
- Да это конюх, со мной табун стережет. Ишь, на смену едет... Теперь вот мне обapol полночи нужно к табуну выезжать – как совсем на хутор гнать.
- Что же это у Егора прозвище такое чудное? – допытывался я.
- Полоумный-то? – Это его у нас на деревне прозвали так-то, засмеялся Петруха, – ишь, он в одну девку врезался, – Гашка там есть, – а она возьми да загулай с купцом; он с тех пор и ополоумел...
- Как же он ополоумел?
- Известно как... Чуть человек незнамый встrelся ему, он и давай все выворачивать: как это полюбилась ему Гашка, как с купцом связалась... да все, все расскажет... А смеяться станут, схватят что ни на есть в руки, да и норовит ошарашить... Мы уж теперь перестали над ним зубоскалить, того гляди убьет – боязно... Кучер Никифор Иваныч сказывал, что и в Питере он такой-то был.
- Да разве он был в Питере? – спросил я.
- Как же, он там в конюхах у нашего барина жил. Ноне весной приехал только... И теперь окромя у него речей нету, что об Гашке!.. Загудорь о чем ни на есть, либо промолчит, аль буркнет словечко... А вот по лету, уйдет вон к курганам, – Петруха указал на бугры, чернеющие на фоне огневого заката, – и лежит там день-деньской... Я раз так-то пошел искать его по степи, нужно было табун выгонять, а он лежит, это, на кургане, – вон что над самым Битюком, – выше его нету; подхожу я, это, – почитай на него наступил, – а он словно и не видит... Выпучил глаза наобышко да глядит... Что ты, мол, глядишь, Егор? – а он как вздрогнет: на Битюк, мол, гляжу... А в ту пору Битюк еще в берега не вошел: в разливе был... Чего ж, мол, его глядеть-то? пойдем табун выгонять... А он, это, братец ты мой, как схватит себя за виски да как заголосит, меня аж оторопь взяла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.